

ФОРМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ ОБ АНТИЧНОСТИ В 1920–1930-Е ГГ.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16-33-01035)*

А. А. Мировицкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Период 1920 – первой половины 1930-х гг. стал временем становления новых условий существования исторической науки: менялись требования, предъявляемые к ученым и их трудам, трансформировались границы предметного поля науки. Антиковедение, не будучи главным объектом интересов советского руководства, все же подверглось значительным изменениям. Исследователи вынуждены были находить в древней истории актуальные для новой социальной реальности проблемы, разрабатывать их на основе принципов марксизма, а результаты своих трудов облекать в научно-популярную форму, понятную и доступную широким слоям общества.

Ключевые слова: *антиковедение, актуализация античности, научно-популярные труды.*

1920 – первая половина 1930-х гг. стали временем глобальных перемен в жизни российского государства. Исторической науке на долгие десятилетия советской власти пришлось стать «служанкой» идеологии, строго подчиняясь потребностям и запросам государственного руководства, которое могло прямо влиять на форму и содержание научного дискурса. Подобного рода влияние было всегда важной, нередко определяющей, но далеко не единственной чертой исторической науки советского периода. Многие зависело от личного восприятия и выбора, потому-то в советский период из одних одаренных ученых не получалось ничего, кроме «локальных феноменов», другие оказывались сломленными обстоятельствами, третьи сформировались и стали фигурами мирового масштаба [4].

После событий октября 1917 г. отечественная историческая наука развивается на основе марксизма-ленинизма, в основу которого положено материалистическое понимание истории. В 1920–30-е гг. историческая наука, обретая статус важнейшей части государственной системы образования, должна была демонстрировать результаты своего участия в становлении нового общества и показывать, что делается это в соответствии с общими установками партии и правительства [3].

Первоочередной интерес для идеологического воздействия на общество приобретали разделы истории, связанные с новейшими событиями в жизни страны: революционное движение, история партии. Область знаний о древнем мире оставалась некоторое время на периферии государственных интересов. Но в то же время в области

антиковедения, как и в других областях исторической науки, идут процессы разрушения традиционных условий бытования знаний. В дореволюционное время в России существовала высоко развитая наука об античности, включавшая не только собственно историю, но и филологию, археологию, искусствоведение, изучение античной культуры, что было связано с развитием европейской культуры. Развитие отечественного антиковедения во многом опиралось на традиционный интерес образованного общества к античным древностям. Другой важнейшей составляющей развития данной области знания в России, несомненно, была и некая образовательная основа: практически в каждом, даже не самом крупном, городе были классические гимназии с хорошо поставленным преподаванием древней истории и классических языков. Выпускники классических гимназий могли продолжить свое образование на историко-филологических факультетах, хорошо укомплектованных специалистами.

После Октябрьской революции благоприятная среда для развития антиковедения разрушается: исчезает необходимая социальная среда. Вместо хорошо подготовленных выпускников классических гимназий в университеты приходят представители широких народных масс, часто совершенно не подготовленные к занятиям наукой. В скором времени прекращают свое существование историко-филологические факультеты, преобразованные в факультеты общественных наук. Многие «старые профессора» оказываются за пределами новых учреждений. Антиковедение воспринимается советской властью как элитар-

ная область знания, присущая представителям буржуазной интеллигенции. «Классицизм объявлялся чуждым явлением для нового социалистического общества, связанные с ним традиции должны были навсегда погибнуть как нечто ненужное, чуждое, не свойственное советскому человеку. Отныне он ассоциировался с изжившим себя монархизмом» [8].

Таким образом, в советской России начала 1920-х гг. наука о древности не оказалась на переднем крае борьбы за марксистско-ленинское освещение истории. Актуальными становились революционные и недавние события: история свершалась на глазах, и седая пыль веков мало привлекала общественное внимание. Изучение древней истории не было прямым интересом властей [3]. Но определенные изменения все же произошли, связаны они были с самим предметом науки о древности: акцент был перенесен с политической истории и культуры в область социально-экономических отношений – собственно экономику, положение трудящихся масс античного общества и классовую борьбу. Внимание ученых должно было фокусироваться на таких предметах, как формы производства, труд и капитал, формы зависимости и эксплуатации, рабские восстания и революции в древнем мире. Таким образом, в 1920-е гг. оформляются новые рамки научного предметного пространства антиковедения.

Рассматриваемый период является временем, когда происходил переход «старой» науки к новым методологическим принципам, естественно, что процесс этот оказался довольно длительным. Уже в первые годы советской власти была обозначена необходимость отказа от дореволюционных традиций и обновления принципов историописания. Но на протяжении 1920-х гг., хотя и предпринимались попытки выработки новых подходов, ничего конкретного предложено не было, что создавало ситуацию сохранения относительной свободы в научном творчестве ученых-историков. Жесткие методологические рамки в исторической науке оформились к середине 1930-х гг. Условным рубежом в становлении марксистско-ленинской исторической науки можно считать 1934 г., когда были опубликованы постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР». Этими документами был задан курс на создание полнокровной истории, преодоление схематизма и упрощенчества, а также обозначилась необходимость создания

учебников по истории. В учебных пособиях нашел свое отражение новый методологический подход к изложению истории. Древняя Греция и Рим рассматривались как общества, проходящие стадию рабовладельческой общественно-экономической формации, в основе которой лежал рабовладельческий способ производства. Движущей силой античного общества была классовая борьба рабов и рабовладельцев. История древних обществ рассматривалась как история зарождения рабовладельческих отношений, их расцвета и разложения. Экономика, классовая структура античного общества определялась как своеобразная, качественно отличная от таковых феодального и капиталистического обществ. Политическая история и культура рассматривались на фоне социально-экономического развития рабовладельческого общества и обуславливались этим развитием. При этом преимущественное внимание уделялось проблемам социально-экономического развития [2].

Учитывая обозначенные тенденции в развитии исторической науки вообще и антиковедения в частности, постараемся выделить общие для 1920–1930-х гг. формы актуализации и популяризации знаний об античности.

Знания об античности использовались обществоведами изучаемого времени преимущественно для иллюстрации процессов, происходивших в тогдашнем обществе, поэтому антиковеды, стремившиеся оставаться «нужными», занимались в 1920-е гг. модернизацией древней истории. Наиболее известны в этом отношении имена С. И. Ковалева и В. С. Сергеева. Применительно к античности в работах этих историков употреблялись такие термины и понятия, как «капитализм», «империализм», «помещики-капиталисты», «государственный социализм», «пролетариат», «крестьянская революция» и т. п. Университетский учебник В. С. Сергеева начинается кратким введением, в котором автор с современной ему точки зрения обосновал необходимость изучения древней истории следующим образом: «современное европейское общество своими корнями глубоко уходит в греко-римскую античность, и потому без знакомства с античным миром, как и вообще с более ранними (докапиталистическими) формациями, останутся непонятными многие характерные особенности современного строя» [7]. Наиболее интересной с историко-социологической точки зрения признавалась история Греции и Рима.

В духе своего времени профессор Харьковского университета В. П. Бузескул пытался актуализи-

зирать свои учебные курсы, показать их важность для современности [9]. Профессор не отвергал возможности сопоставления явлений древней истории с современностью, считая, что в сходных исторических условиях могут наблюдаться сходные формы общественного бытия. Из этого убеждения следовал вывод о необходимости изучения древней истории, которое «представляет не один только чисто научный, теоретический интерес; оно получает и практическое значение, история эта делается глубоко поучительной для нас». В. П. Бузескул в пояснительной записке к одному из курсов лекций подчеркивал, что «история культуры <...> должна научить сознательно относиться к окружающей действительности и современности <...> как много в этом прошлом такого, что сближает его с современностью»¹. Примечательно, что в лекции о первобытной культуре предполагалось изучение феномена «первобытного коммунизма», проблемы влияния орудия и материала на ход и успехи в развитии культуры, социальной организации общества. В разделе о греческой культуре уделялось особое внимание «политической и классовой борьбе». В пояснительной записке программы по истории социальных отношений и идеологии им отмечалось, что «должна быть подчеркнута связь между социальными отношениями и идеологией и показано, как бытие отражалось на сознании и как в свою очередь идеи влияли на бытие»². Таким способом ученый пытался найти в прошедших эпохах истории человечества объяснение современным явлениям.

Ленинградский историк С. Я. Лурье так же, как и В. П. Бузескул, обращался к истории античного общества для того, чтобы получить ответы на современные вопросы, найти закономерности исторического развития, отыскать объяснение происходящим в обществе процессам. Один из главных вопросов, волновавших ученого в послереволюционные годы, касался причин возникновения антисемитизма как «исторического явления, крайне важного, хотя бы уже вследствие своей многовековой давности» [5. С. 7]. Пытаясь объяснить данное явление, ученый обращается к первоисточникам: литературным и документальным памятникам древности. В ходе исследования С. Я. Лурье пришел к выводу, что «антисемитизм в древнем мире не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался как раз в таких же формах, как и теперь. Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое

не предъявлялось бы им уже в древности. Более того, самое развитие отношений между евреями и не евреями – терпимость и ассимиляция, антисемитизм и партикуляризм – в древности происходило в таких же формах, как и ныне» [5. С. 19]. Причины антисемитизма в древности и современности историк также считает одними и теми же: «постоянной причиной <...> была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь, ни от кого не обособляясь) оставался национально-государственным организмом» [5. С. 11]. Книга стала ярким примером применения знаний о жизни древних обществ для ответа на злободневные вопросы, хотя была принята российским обществом неоднозначно. Стоит отметить и еще один труд историка, вышедший в 1920-е гг. «История античной общественной мысли». С. Я. Лурье высказывает убежденность в том, что историческое развитие строго определяется некими социальными законами, действующими во все времена. Изучая античное общество, историк, по мнению С. Я. Лурье, должен «на каждом шагу отмечать аналогии с современностью» [6. С. 17]. Рассматривая развитие общественной мысли в древности в совокупности с социальным и экономическим развитием античного общества, автор приходит к заключению: «и в античном мире сознание определялось бытием» [6. С. 15]. Цель изучения истории С. Я. Лурье представлял двояко: во-первых, мы получаем картину жизни в прошлую эпоху; во-вторых, «мы непосредственно изучаем задерживающее и деформирующее влияние признаков прошлого на общественное развитие данной эпохи» [6. С. 15].

Из приведенных примеров хорошо видно, каким образом историки-антиковеды стремились продемонстрировать свою полезность при новом режиме.

В 1920–30-е гг. одновременно с изменением предмета науки об античности менялись и требования, предъявляемые к форме исторических трудов, к характеру изложения материала. Ученые теперь должны были обращаться уже не к университетской студенческой общественности, прошедшей основательную подготовку в классических гимназиях, но к широким массам населения, в подавляющем большинстве не имеющим соответствующего уровня подготовки. Поэтому стремительно возрастает роль и значение популярных способов изложения, лекций и литературы, «способных в простой и доходчивой форме

¹ ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 67. Л. 2

² ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 67. Л. 9.

донести до масс необходимые им элементарные знания» [11. С. 428]. Не все специалисты-классики готовы были в пределах этих границ заниматься научной деятельностью, возникла необходимость поиска новых форм существования многогранных знаний об античном мире, его развитии и выдающихся личностях. Так или иначе, но ученые 1920–30-х гг. были не только в строгом смысле исследователями и университетскими преподавателями, но и популяризаторами, вынужденными в своих работах учитывать интересы многочисленной «народной аудитории».

Одним из способов трансляции невостребованных научных знаний стало развитие научно-популярного жанра. Уже на рубеже 1910–20-х гг. появляются различные серии изданий, ориентированных на широкий круг читателей (например, «Начатки науки», «Наука для всех», «Введение в науку», «История литературы» и др.). Авторами зачастую выступали крупные специалисты в определенной области науки. Можно отметить научно-популярные труды профессора Петербургского университета историка-антиковеда, эпиграфиста С. А. Жебелева, вышедшие в серии «История литературы» и «Введение в науку». Книги эти характеризуются довольно небольшим объемом (около двухсот страниц текста) и простотой изложения материала. Следует также отметить, что научно-популярные произведения явились неким итогом многолетней преподавательской и исследовательской деятельности ученого, «отчетом о прошлой работе». Ученый считал, что в научно-популярных изданиях можно выразить накопленный предыдущий опыт, который поможет в профессиональной деятельности будущему поколению [1]. Так, например, очерк «Евангелия канонические и апокритические» возник из курса общедоступных лекций, читаемых С. А. Жебелевым в Первом Петроградском университете в летнем семестре 1918 г.

Наиболее известным научно-популярным трудом С. А. Жебелева 1920-х гг. является «Введение в археологию», вышедшее в серии «Введение в науку». Книга также стала своего рода итогом многолетней профессиональной деятельности историка, хорошо знакомого со многими археологами и самой археологической наукой, кроме того, один из первых университетских курсов С. А. Жебелева был посвящен как раз введению в классическую археологию. В предисловии к изданию сам ученый отвечает на вопрос о том, для чего необходимо научно-популярное издание по сути университетского курса. При этом надо помнить, что к моменту выхода книги историче-

ское образование в его классической университетской форме перестает существовать. Автор, университетский преподаватель с многолетним стажем, исходит из убеждения в том, что «невозможно вообще научить науке другого. Всякий должен сам изучать науку. Обязанность же того, кто является более сведущим и более опытным в науке, заключается в том, чтобы руководить занятиями “другого” и, по мере возможности, направить и облегчить эти занятия указаниями и теоретического и практического свойства» [1. С. 6]. Из этого тезиса выводится и назначение книги по археологии для широкого круга читателей. В ее задачи входит характеристика основных направлений, проблем и вопросов археологической науки, определение ее содержания и представление библиографии. С. А. Жебелев оговаривается, что не претендует на исчерпывающий список трудов по археологии, существующих в науке к моменту выхода «Введения в археологию», и в то же время считает, что при помощи указанных библиографических данных «каждый читатель сам в состоянии будет выбрать то, что является для него наиболее нужным, важным и интересным». Особенно это важно в условиях, когда «мало-мальски систематический библиографический указатель русской археологической литературы не существует» [1. С. 5]. Таким образом, «Введение в археологию» становилось своеобразным путеводителем в мир науки для нового поколения, интересующегося вопросами археологии. Издание научно-популярных книг стало для ученого возможностью поделиться своими обширными знаниями с широким кругом читателей в той ситуации, когда знания эти в научной форме не были востребованы ни обществом, ни государством.

В 1920-е гг. появляются научно-популярные труды «новых» историков, которые занимаются исследованиями на основе провозглашаемых марксистских принципов. В свет выходят труды, для которых характерна тенденция к модернизации античной истории. Так, например, под авторством С. И. Ковалева выходят «Курс всеобщей истории»¹ в двух томах и «Всеобщая история в популярном изложении. Для самообразования»². В 1930-е гг. в соответствии с утвердившимся представлением о развитии древних обществ, их общественной структуре и роли рабских восстаний появляются труды ученых, написанные под влиянием новых взглядов. Насколько сами

¹ Ковалев С.И. Курс всеобщей истории: т. 1-2. – Пг.; Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1923-25.

² Ковалев С.И. Всеобщая история в популярном изложении. Для самообразования. – Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925.

ученые верили или не верили в свои «открытия», насколько вынужденным было создание исследований на новые актуальные проблемы в античной истории, зависело от многих факторов, среди которых – положение в научном сообществе, нахождение ученых на партийных должностях, желание повысить свой научный статус в глазах руководства или просто сохранить свое место в научных учреждениях. Примером подобного рода исследований или «открытий» может служить широко известный труд С. А. Жебелева о первом рабском восстании на Боспоре¹.

Еще одной формой популяризации знаний по истории в 1920–30-е гг. стали публичные лекции. О важности и необходимости такой формы существования научных знаний было сказано в докладе Ф. Н. Петрова о перспективах деятельности Главнауки на I Всероссийском съезде научных работников еще в ноябре 1923 г. Определяя задачи научных учреждений на идеологическом фронте, Ф. Н. Петров отмечал, что они «до сих пор стояли в стороне от широкой массовой культурно-просветительской работы <...> истинная наука всегда проста, понятна и доступна всем массам, <...> работники науки обязаны открыть трудящимся широко двери научного знания»². Популярными лекциями читались профессиональными историками в различных учебных заведениях и на всевозможных предприятиях. В архивных фондах Института истории материальной культуры имеется переписка ГАИМК и различных образовательных учреждений, касающаяся организации и проведения публичных лекций сотрудниками Академии за плату³. Так, например, сохранилось обращение учебной части Ленинградского Текстильного института с просьбой «организовать эпизодические лекции и экскурсии по общей истории»⁴. С подобной же просьбой обращался Коммунистический институт журналистики, желавший организовать по выходным дням ряд лекций для студентов по истории общественных формаций. При этом к письму был приложен список наиболее желательных вопросов для освещения историками, с предположительным временным объемом для каждой темы: «1. Первобытное общество – 2 лекции; 2. Рабовладельческий строй – 2–3 лекции (из них 1 по востоку); 3. Феодализм – 2–3 лекции»⁵. Относительно лекторов у

института также были свои предпочтения: «желательно было бы для лекций по античному обществу закрепить за ними Ковалева, а по Востоку – академика Струве»⁶.

Курс лекций был организован с учетом всех пожеланий. Программа выглядела следующим образом: «Лекции по истории докапиталистических обществ. 1. Первобытное коммунистическое общество; 2. Древний Восток а) Вавилония, б) Египет; 3. Античное общество – Древняя Греция, Античное общество – Древний Рим; 4. Феодальное общество Западной Европы»⁷. В качестве лекторов выступали сотрудники Академии, являвшиеся ведущими специалистами в той или иной области исторического знания. Так, например, лекции по истории первобытного общества и проблемам происхождения человека читались такими учеными, как В. И. Равдоникас, П. Н. Третьяков, П. П. Ефименко, В. И. Громов, Е. Ю. Кричевский, М. Г. Худяков, П. И. Борисковский; за чтением лекций по истории Древнего мира были закреплены С. И. Ковалев, В. В. Струве, Б. Л. Богаевский, О. О. Крюгер, В. Ф. Гайдукевич, К. М. Колобова, Р. В. Шмидт; лекции по истории СССР читали С. М. Дубровский, Н. Н. Воронин, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Н. И. Артамонов, О. Л. Вайнштейн, В. В. Мавродин⁸.

Отдельного внимания заслуживают лекции, организованные сотрудниками ГАИМК совместно с Отделом народного образования специально для школьной аудитории. Из переписки ГАИМК и ГорОНО Ленинграда становится очевидно, что интерес к истории проявлялся со стороны старших школьников: «стремясь удовлетворить активно проявляющийся интерес учащихся старших классов к разным областям знаний ГорОНО организует для них специальный лекторий. ГорОНО обращается к ГАИМК с просьбой не отказываться принять участие, как во всей работе Совета организуемого лектория, так и в непосредственном подборе лекторов и разработке тематики лекций по вопросам истории культуры, пользующимся особым вниманием школьников»⁹. В приложении к письму указывались вопросы, интересующие учащихся по вопросам истории культуры:

«1. Каким образом смогла обезьяна через труд стать человеком.

2. Откуда взялась частная собственность, почему и как она должна быть уничтожена.

¹ Жебелев С.А. Последний Персиад и скифское восстание на Боспоре. 1933.

² Цит.: Организация науки в первые годы советской власти (1917-1925). Сб. документов. Л., 1968. С.49.

³ Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1 (1935). Д. 49.

⁴ Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1 (1935). Д. 49. Л.16.

⁵ Там же. Л. 19.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л.20.

⁸ Там же. Л. 25 – 25. Об.

⁹ Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1 (1935). Д. 49. Л.17.

3. Как человечество разделилось на людей умственного и физического труда, и каковы пути уничтожения этого деления.

4. Каково происхождение религии, и как оказалось возможным, чтобы эксплуататоры смогли ее использовать в своих целях.

5. Как появились разные боги, жрецы, святые и всякие мифы и рассказы про них.

6. Как появились разные народности, почему они стали враждовать между собой и что у них общего.

7. Как стал говорить и думать человек, как он стал ученым, изобретателем, художником.

8. Каково происхождение музыки и разных музыкальных инструментов.

9. Как человек терялся перед страшной природой и как он научился овладевать ею»¹.

Кроме вышеперечисленных вопросов, в приложении отмечалось, что «многие вопросы имеются по истории отдельных видов и орудий труда, а также разных вещей, в том числе и украшений»². Видимо, в последний момент к машинописному тексту была сделана приписка ручкой, добавлены еще два вопроса: «1. Как жили древнейшие люди на земле сотни и десятки тысяч лет тому назад. 2. Восстания рабов в Древней Греции и Древнем Риме (Спартак и др.)»³.

Содержание письма свидетельствует, во-первых, о существовании у школьников интереса к вопросам развития человеческого общества, а во-вторых, о том, что сведений из школьных учебников по перечисленным вопросам было недостаточно. Белые пятна в историческом образовании школьников должны были заполнить лекции сотрудников ГАИМК, ведущих специалистов в данных вопросах. Кроме того, можно отметить и роль государственной идеологии в формировании интересов подрастающего поколения. Об этом свидетельствуют характер вопросов, связанных с возникновением и уничтожением частной собственности, социальным делением общества и восстаниями рабов в древнем мире, толкованием религии как инструмента подчинения одних слоев общества другими.

В сборнике, выпускаемом Народным комиссариатом просвещения, публикующим материалы о работе учебных и научных учреждений СССР за 1934 г., отмечалось, что силами Академии в целом ряде университетов культуры при ленинградских высших учебных заведениях проводятся циклы по истории докапиталистического

общества (университеты культуры при Медицинском, Горном, Электротехническом, Холодильном институтах, Институте связи); организованы выезды в университет культуры при Педагогическом институте в г. Витебске, по заданиям областного дома работников просвещения в города Боровичи, Псков и другие, и по предложению Ленинградского комитета по радиовещанию два раза в месяц по радио читается небольшой цикл лекций⁴. Таким образом, даже неспециалисты могли приобщиться к историческим знаниям и сформировать представление о закономерностях исторического развития общества.

Стоит обратить внимание на факт, не получивший отражение в публичном отчете о деятельности ГАИМК. Силами Академии организовывалось довольно большое количество общественных лекций, но в реальности их проводилось значительно меньше. Так, например, в отчете о работе Академии за 1935 г. указано, что в Электромеханическом институте вместо 8 лекций было проведено только 5, в Институте связи из 11 запланированных лекций – 5, на Текстильном комбинате из 8 лекций лишь 3, в Медицинском институте состоялось 8 лекций из 24⁵. Подобная статистика говорит о довольно малой эффективности такой формы образования, как видно из приведенных данных, около половины запланированных мероприятий не были осуществлены, а значит, и значительная часть информации по различным проблемам истории не была доведена до аудитории.

Обратим внимание еще на одну новую форму исторических знаний, являющуюся одновременно одним из способов привития интереса к изучению античности. С ее внедрением связана деятельность С. Я. Лурье. Считая интересными и увлекательными занятия эпиграфикой, дешифровкой древних надписей, он стремился заинтересовать этой наукой и пробудить интерес к жизни древних обществ у детей, увлечь их поиском новых истин. В 1930-е гг. выходит в свет детская книжка «Письмо греческого мальчика», в которой ученый увлекательно рассказывал об изучении папирусов и школьном образовании в древности.

Подводя итоги, можно отметить, что сложные 1920–1930-е гг., ознаменовавшиеся ломкой традиционной системы исторического образования и науки, стали временем поиска и формирования новых способов бытия исторической науки и ученых: менялось предметное поле, к трудам

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Университеты и научные учреждения. 1935.

⁵ Архив ИИМК. Ф.2. Оп. 1 (1935). Д.50. Л. 1.

ученых, да и к самим ученым предъявлялись новые требования. Ученым приходилось как-то приспосабливаться к трудным условиям быта и идеологическому прессингу, в той или иной мере менять тематику своих работ и высказываться с оглядкой на постепенно ужесточаемый политический надзор со стороны политической власти. 1920–1930-е гг. стали временем, когда историки «старой» школы находили новые способы акту-

ализации знаний об античности, разрабатывали различные формы их трансляции, а «молодые» писали свои работы в соответствии с новыми политическими веяниями. При этом в трудах историков стала хорошо просматриваться публицистическая струя, при обращении к научной тематике предпочтение отдавалось произведениям научно-популярного характера, рассчитанным на широкую аудиторию.

Список литературы

1. Жебелев, С. А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания / С. А. Жебелев. – Петроград, 1923. – 199 с.
1. Историография античной истории : учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина. – М., 1980. – 415 с.
2. Крих, С. Б. Образ древности в советской историографии / С. Б. Крих. – М., 2012. – 319 с.
3. Крих, С. Б. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли / С. Б. Крих, О. В. Метель. – М., 2014. – 256 с.
4. Лурье, С. Я. Антисемитизм в древнем мире / С. Я. Лурье. – Петроград, 1922. – 190 с.
5. Лурье, С. Я. История античной общественной мысли. Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире / С. Я. Лурье. – М.–Л., 1929. – 415 с.
6. Сергеев, В. С. История Древней Греции / В. С. Сергеев. – Ленинград, 1934. – 370 с.
7. Скворцов, А. М. Антиковедение в первое десятилетие советской власти: время эксперимента / А. М. Скворцов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. – 2013. – Вып. 57. – С. 114–118.
8. Скворцов, А. М. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития / А. М. Скворцов, Н. В. Гришина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. – 2015. – Вып. 62. – С. 49–56.
9. Университеты и научные учреждения. – М.–Л., 1935.
10. Фролов, Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки / Э. Д. Фролов. – СПб., 2006. – 608 с.

Сведения об авторе

Мировщикова Анна Андреевна – аспирант кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.

belikachi@mail.ru

Magistra Vitae.

2016. No 2. P. 164–171.

MECHANISMS AND FORMS OF ACTUALIZATION AND POPULARIZATION OF KNOWLEDGE OF ANTIQUITY IN THE MODERN SOCIAL ENVIRONMENT FOR A HISTORIAN (THE 1920-1930s)

This article is supported by the Russian Humanitarian Scientific Fund Grant.
Project № 16-33-01035

A. A. Mirovschikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. belikachi@mail.ru

The period of the 1920-1930s was the time of a new system formation of historical science existence in the broadest sense: requirements for scientists and their work as well as limits of scientific thematic field were changed. Antiquity study, not being the main object of the Soviet leadership interests, also underwent a

significant transformation. Antiquity scientists had to find present-day relevant problems in ancient history, develop them in terms of the principles of Marxism, and explain the results of their work in a popular science form, understandable and accessible to the general society.

Keywords: *antiquity, actualization of antiquity, popular-science publications.*

References

1. Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiiu. Ch. 1. Istoriia arkheologicheskogo znaniia* [Introduction to Archaeology. Part 1. The history of the archaeological knowledge]. Petrograd, 1923. 199 p. (In Russ.).
2. Kuzishchina V.I. (ed.). *Istoriografiia antichno iistorii* [Historiography of ancient history]. Moscow, 1980. 415 p. (In Russ.).
3. Krih S.B. *Obrazdrevnosti v sovetskoj istoriografii* [Image of antiquity in the Soviet historiography]. Moscow, 2012. 319 p. (In Russ.).
4. Krih S.B., Metel' O.V. *Sovetskaja istoriografija drevnosti v kontekste mirovoj istoriograficheskoj mysli* [The Soviet historiography of antiquity in the context of world historiographic thought]. Moscow, 2014. 256 p. (In Russ.).
5. Lure S.Ia. *Antisemitizm v drevnem mire* [Anti-Semitism in the ancient world]. Petrograd, 1922. 190 p. (In Russ.).
6. Lure S.Ia. *Istoriia antichnoi obshchestvennoi mysli. Obshchestvennye gruppirovki i umstvennye dvizheniia v ellinskom mire* [History of ancient social thought. Social groups and intellectual movements in the Hellenistic world]. Moscow-Leningrad, 1929. 415 p. (In Russ.).
7. Sergeev V.S. *Istoriia Drevnei Grecii* [The History of Ancient Greece]. Leningrad, 1934. (In Russ.).
8. Skvortcov A.M. *Antikovedenie v pervoe desiatiletie sovetskoj vlasti: vremia eksperimenta* [Investigations in the first decade of Soviet power: the time of the experiment]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of the Chelyabinsk state university. History], 2013, iss. 57, pp. 114–118. (In Russ.).
9. Skvortcov A.M., Grishina N.V. *Istoricheskoe obrazovanie v pervoe desiatiletie sovetskoj vlasti: osnovnye vektory razvitiia* [History education in the first decade of Soviet power: the main vectors of development]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of the Chelyabinsk state university. History], 2015, iss. 62, pp. 49–56. (In Russ.).
10. *Universitety i nauchnye uchrezhdeniia* [Universities and research institutions]. Moscow-Leningrad, 1935. (In Russ.).
11. Frolov Je.D. *Russkaja nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [The Russian science about antiquity. Historiographic sketches]. St. Petersburg, 2006. 608 p. (In Russ.).